

Глава 20. Сближение душ

Первый раз страшно, второй уже не так. Цзян Тан многое повидал, так что к отравлению начал понемногу привыкать.

Когда он снова очнулся от головокружения, то не стал сразу открывать глаза.

Наверное, потому, что в этот раз он не глотал отравленную кровь напрямую, состояние было не таким тяжёлым, как в прошлый. Мир всё так же кружился, подташнивало, но в голове было куда яснее.

Рядом кто-то шевелился. Кажется, кто-то плакал. Тихо, глухо, всхлипывая, так жалобно, будто прятался ночью под одеялом и ревел, чтобы никто не услышал.

Сквозь сон белый комочек шевельнул ушами. Прислушавшись к этому немного грубоватому плачу, он быстро вычислил виновника — Сян Сина.

Для Цзян Тана, ни разу в жизни не видевшего, как Сян Син рыдает, это было слегка подозрительно. Во-первых, здоровяк совсем не походил на того, кто умеет плакать так жалко. Во-вторых, с чего бы ему вообще плакать? Он же не умер. Развёл тут такую скорбь, будто уже в траурном зале благовония жгут.

Стоп.

Цзян Тан резко вспомнил, в каком состоянии был Фу Линцзюнь перед тем, как он потерял сознание, и тут же окончательно проснулся.

Только не говорите, что с великим злодеем что-то случилось?! Если он отключился из-за крови Фу Линцзюня, то сколько же тот должен был её потерять, чтобы всё это громовое пламя пропиталось ядом? Разве его раны не заживали крайне трудно? Неужели его и правда могло просто унести этой волной?

С учётом того, что он попал в книгу совершенно впустую, а сюжет с самого начала тяжело ушёл в сторону, Цзян Тан встревожился по-настоящему. В голове всё ещё было мутно, но он всё равно заставил себя открыть глаза и тут же столкнулся с привычным набором последствий отравления: белое, серое и чёрное попеременно поплыли перед глазами.

Лишь спустя какое-то время головокружение немного отпустило, и Цзян Тан наконец смог разглядеть окружающее.

Где это он?

Когда он терял сознание, то был ещё в Цзэяне, у Фу Линцзюня на руках. А сейчас лежал не в Цзэяне и не в долине Тяньбэй, а на мягкой траве. Над ним было тёмно-синее небо и облака, похожие на сахарную вату, под носом — несколько красивых полевых цветов. Если прислушаться, рядом журчала вода, ветер шевелил лес, вокруг перекликались птицы и насекомые, а ко всему этому ещё и подвывал здоровяк. Получалось очень оживлённо.

Вот только Фу Линцзюня нигде не было.

Вообще-то Сян Син не должен был отходить от Фу Линцзюня. Что произошло?

Гора из мышц, сидевшая в сторонке и молча проливавшая слёзы, услышала лёгкий шорох и всхлипывая обернулась. Увидев, что Цзян Тан очнулся, он окончательно потерял самообладание: сдерживаемые рыдания превратились в оглушительный вой. У Цзян Тана и без того звенело в голове, а теперь ещё и уши заложило.

У-у-у... Хватит реветь! У меня сейчас череп лопнет!

Слабый комочек попытался прикрыться большими ушами от чудовищного рёва, потом свернулся клубочком, надеясь хоть так защититься от звуковой атаки Сян Сина.

Сян Сину было и правда страшно, и очень-очень горько. Когда он вернулся к долине Тяньбэй вместе с хозяином и Сяо Баем на руках, хозяин сразу остановил их у входа, а сам ушёл внутрь. Раны у хозяина были такими тяжёлыми, что Сян Син чувствовал, как его жизненная сила понемногу утекает. Но раз тот не разрешил идти следом, оставалось только сидеть снаружи и сторожить бессознательного Сяо Бая.

— Сяо Бай... хозяин... умер. Хозяин умер... — плача, выговорил он. Слёзы без конца капали из-под чёрной маски. Казалось, сними её — и внутри наберётся не меньше миски воды.

Что?!

Цзян Тан рывком сел, а в следующую секунду из-за невыветрившегося яда мягко плюхнулся обратно.

Фу Линцзюнь умер? Что за ерунда? Он с таким трудом нашёл себе кормильца — и тот взял да умер?

На сердце сразу стало кисло, тяжело, душно.

В этот миг Цзян Тан и сам не мог понять, что чувствует. Шок и неверие пришли первыми, а за ними — то ли страх перед будущим, то ли нежелание вылезать из привычного укрытия и начинать новую жизнь, то ли короткая, острая боль в груди. Ему было так плохо, что всё тело дрожало.

Красавец умер? Да как такое вообще возможно?

В оригинале Фу Линцзюнь дожил до двухтысячных глав. С чего бы именно у него всё закончилось сразу после кровавой расправы в Цзэяне?

Разве не должен был он жить тысячу, десять тысяч лет, неся бедствия всем подряд и заодно всю жизнь кормить его?

Он же... он же искал ему красные плоды, всё время носил на руках, не давал промокнуть под дождём и даже когда отправился мстить, всё равно помнил о его кости судьбы. Их отношения только-только начали налаживаться. Как он мог умереть? Как ему вообще было можно умереть?

С трудом поднявшись, Цзян Тан, пошатываясь, подполз к Сян Сину и мягкими лапками поскрёб его по штанине, показывая, чтобы тот протянул ладонь. Ему нужно было лечь туда и ехать.

Сян Син рыдал так, что совсем развалился. Он схватил белый пушистый комочек, ткнулся в него лицом и размазал по нему целую лужу слёз.

Цзян Тан: «...»

Ладно-ладно, не до этого сейчас. Потерпит.

Он торопился, безумно торопился найти Фу Линцзюня. В его смерть он не верил. Пока своими глазами не увидит — не поверит.

Как председатель ассоциации любителей тискать мелких зверушек, немногословный Сян Син и не умеющий говорить Цзян Тан за время общения успели выработать почти врождённое взаимопонимание. Цзян Тан пищал, показывал, объяснял как мог, и хотя вместимость головы у здоровяка была не слишком велика, он быстро уловил смысл.

— Хозяин... не велел... входить... — всхлипывая, выдавил он и снова утер слёзы, которые текли без остановки.

А? Не велел? Не велел куда?

Сидя на его ладони, Цзян Тан видел далеко вокруг. Всё кругом было зелёным, красивым, а вдаль виднелось высокое дерево с красными плодами, которые ярко выглядели из листвы и будто сами кричали о своей сладости.

Хм... что-то подозрительно знакомое.

Это что, Гуанлин за пределами долины Тяньбэй? То самое место, где он впервые встретил Фу Линцзюня? Если идти всё время в сторону того дерева, разве не попадёшь обратно в долину?

— У-у-у... — решил Цзян Тан не тянуть. Он показал лапкой в сторону дерева, давая понять, что хочет именно туда.

Увидев направление, Сян Син тут же замотал головой:

— Хозяин... не велел... входить, — повторил он те же слова, что и прежде.

Раз Фу Линцзюнь не велел, так ты и правда совсем не можешь послушаться? Ты что, тупица?!

Цзян Тан очень хотел это сказать, но, учитывая, что сам от слабости едва держался и идти не мог, пришлось временно отложить гордость и начать кататься по ладони, ластиться и устраивать истерику.

— И-и-и... — Неважно! Он всё равно хочет туда!

Он тёрся, катался, покусывал крупный грубый палец молочными зубами, облизывал его и непрерывно жалобно попискивал.

Сян Син меньше всего на свете умел сопротивляться, когда мягкий пушистый комочек пищал у него на ладони своим хрупким детским голоском, будто вот-вот расплачется.

Так они и сидели, ревя друг на друга — один большой, другой маленький, — соревнуясь, кто продержится дольше.

В конце концов капитулировал всё-таки здоровяк. Он ещё немного поколебался, потом всхлипы стихли.

— Хозяин... не велел... Сян Сину... входить. Сяо Баю... можно.

Как и в тот раз, когда хозяин запретил таскать отравленного Сяо Бая гулять, а он всё равно тайком это сделал, на этот раз Сян Син тоже нарушил приказ. Гора, похожая на маленькую вершину, стёрла слёзы, поднялась и, надёжно удерживая зверька на ладони, быстро зашагала к большому дереву.

Цзян Тан мгновенно ожил.

Вот так! Приказы и существуют для того, чтобы их нарушать. Вперёд-вперёд!

Так один большой и один маленький двинулись по бескрайней зелёной равнине. После вечной тьмы и запустения долины Тяньбэй Цзян Тан вдруг почувствовал, будто весь этот красивый внешний мир стал ему чужим. Ветер шёл по цветочному морю, лёгкая сладость касалась мордочки. Солнце было золотым и тёплым, мягко пригревало шерсть.

Всё вокруг было живым и прекрасным, но радости он почему-то не испытывал.

Он и сам не понимал, к чему относится его странное чувство дома — к самой запечатанной земле или к человеку внутри неё.

Наверное, и к тому, и к другому, подумал он.

Цзян Тан с нетерпением ждал момента, когда они подойдут вплотную к долине Тяньбэй. Но Сян Син всё же до конца выполнил последний приказ хозяина: сам остался снаружи. Он не вошёл внутрь, а просто опустил Цзян Тана на траву у самой печати.

— Сяо Бай... можно... войти. Сяо Бай... посмотри... хозяина. — Широкая ладонь мягко подтолкнула пушистый хвостик.

Цзян Тан оглянулся, потёрся о руку здоровяка и, покачиваясь, пошёл внутрь.

В какой-то миг воздух вокруг резко отяжелел. Он словно прорвал маленькую щель и нырнул в другой мир.

Без солнца, без звёзд, сплошная тьма — запечатанная земля.

Раньше такая темнота пугала его до дрожи. А теперь, переступив границу тьмы, он вдруг почувствовал, что паника в груди немного улеглась.

Голова у Цзян Тана кружилась, лапы подгибались, и ему приходилось останавливаться почти после каждого отрезка пути.

Вокруг всё сгнило и умерло. Медленно перевалив через половину горы, Цзян Тан увидел разрушенный дворец среди торчащих скал. Дорогу он помнил: Фу Линцзюнь однажды вёл его здесь, да и Сян Син чуть ли не каждый день носил по этой тропе на руках.

Если спуститься отсюда вниз, пройти через этот мёртвый город, то выйдешь к той равнине, полной светлячков.

Он шёл и останавливался. Путь, который раньше на ладони Сян Сина занимал считанные минуты, теперь измотал его до полусмерти. Когда он наконец добрался до поля светлячков, те самые светлячки, с которыми он когда-то переругался, заметили его. Они, как рассыпанные по

Млечному Пути звёзды, мгновенно слились в одно роящееся облако и с зелёным мерцанием облепили его со всех сторон.

— Ты зачем опять сюда пришёл? Беги, беги скорее!

— Ой? А тебе вроде лучше.

— И чего ты о нём беспокоишься! Он же с этим злым духом заодно!

— А где сам злой дух? Кто видел злого духа?

— Терпеть не могу, терпеть не могу злого духа! Пусть не подходит!

— Злой дух не вернётся.

— Злой дух умирает, я его видела.

— Что-что? Злой дух умирает?

— ...

В прошлый раз Цзян Тан самовольно использовал Фу Линцзюня как глушилку сигнала и оборвал их ссору на полуслове. Сейчас Фу Линцзюня рядом не было, так что светлячки могли спокойно подлетать. Наконец поймав сеть, они хлынули к нему всей толпой. Один говорил одно, другой другое, а вместе это превращалось в сотни и тысячи фраз одновременно.

С трудом выцепляя из этого хора смысл, Цзян Тан выловил одну очень важную мысль.

Злой дух умирает. И кто-то из светлячков это видел.

Под «злым духом» они называли либо Сян Сина, либо Фу Линцзюня. Но Сян Син сейчас стоял снаружи, а значит, внутри долины был именно Фу Линцзюнь — и дела у него, похоже, действительно плохи!

— У-у-у... — поблагодарив щебечущий рой светлячков, Цзян Тан ускорился и побежал туда, где прожил больше половины месяца.

По другую сторону ущелья в воздухе висел чёрный тяжёлый меч.

На мече сидел весь в крови Фу Линцзюнь.

Вид у него был ужасный. Заклятия Цзян Чаньюаня подняли духовную силу и заставили её изнутри врезаться в его внутренности. Кожа под одеждой лопнула, и кровь без конца просачивалась наружу. Чёрные одежды насквозь пропитались кровью и потом, а тяжёлые капли одна за другой срывались с края меча на гнилые корни старого дерева под ним.

Взбунтовавшаяся духовная сила разрушала его тело — и в то же время отталкивала всё живое. Он не мог ни коснуться, ни подпустить к себе живое существо. Стоило пройти мимо травы и цветов — буйная духовная сила крушила их. Стоило приблизиться птице — и та в страхе шарахалась прочь.

Повреждённая душа медленно рассыпалась. Он сам чувствовал, как воспоминания прошлого постепенно размываются — не исчезают, а словно сдираются слой за слоем. Когда душа будет полностью содрана, эта земля станет его могилой.

И всё же в этой глухой, сгнившей, замкнутой могиле нечто снова прорвалось внутрь.

Тихие-тихие шаги медленно приближались.

Топ, топ, топ... Короткие шаги, очень медленные. И вместе с ними подплывал едва уловимый сладковатый запах.

На чёрном мече Фу Линцзюнь открыл глаза.

Этот запах он знал.

Это был его запах.

Белый комочек шёл, покачиваясь. Сразу было видно: яд ещё не рассеялся, зверёк был мягче обычного и каждые несколько шагов плюхался на землю передохнуть. Прежде чистая белизна его души теперь понемногу окрашивалась светлой голубизной печали, шаг за шагом вытесняя прежний белый цвет.

Впервые Фу Линцзюнь увидел на этом пушистом комочке такую окраску.

Обычно он был самым ярким, самым пылающим, самым искренним — как фейерверк. А сейчас нёс в душе тихую заботу и упрямо бежал к нему.

Кадык Фу Линцзюня едва заметно дрогнул. Рассыпающаяся душа затрепетала, пытаясь удержать хоть кроху того прекрасного, что вот-вот должно было уйти.

Цзян Тан наконец нашёл Фу Линцзюня, но тот сидел слишком высоко на огромном мече, снизу было не разобрать, как он выглядит.

— У-у-у... — Совсем выбившись из сил, он шлёпнулся на землю и тихонько позвал наверх. Ну хотя бы дал бы ему взглянуть, что с ним сейчас.

Фу Линцзюнь уже дошёл до такой боли, когда тело немеет. Но стоило услышать хныканье маленького зверька, как в сердце всё равно шевельнулась мягкость.

Он высушил кровь на одежде, прыгнул с меча и мягко приземлился на землю. От его сапога остался кровавый след, который в ту же секунду был выжжен громовым пламенем до чёрной золы.

— И-и-у... — Увидев, что Фу Линцзюнь спустился, Цзян Тан мгновенно забыл и про слабость в ногах, и про головокружение. Он тут же вскочил и бросился поближе посмотреть, в каком тот состоянии. Но не успел подойти, как широкий рукав уже отмахнул его в сторону.

Удар был несильный, но ослабевший Цзян Тан всё равно снова повалился на землю.

Ну что за издевательство! Сейчас, что ли, время с ним играть? Он вообще-то просто хотел проверить, как там его кормилец!

Стиснув зубы, Цзян Тан снова поднялся. И снова всё кончилось так же: не успел он подойти, как его опять смахнули широким рукавом.

— И-и-и! — Собачка рассердилась!

Фу Линцзюнь слегка опустил голову. Длинные волосы, лежавшие на плечах, соскользнули вперёд и закрыли лицо.

— Глупая собака. Уходи, — холодно сказал он.

Какая ещё глупая?! Где он видел настолько умного, смышлёного, заботливого и преданного питомца, как он?!

Цзян Тан обиделся до невозможности. Он и так весь разламывался после яда, был голоден, еле перевалил через горы, чтобы посмотреть, в каком состоянии кормилец, — а в ответ получил приказ проваливать. Две пощёчины рукавом окончательно выбили из него силы. Теперь он одновременно злился, устал, обижался и грустил. Весь зверёк был одним сплошным комком плохого настроения.

Подумаешь, много чести. Если бы не слова Сян Сина, что хозяин умирает, Цзян Тан бы и не пришёл!

Всё ещё сердясь, он украдкой продолжал разглядывать Фу Линцзюня. Подойти ближе не удалось, но с виду тот вроде бы держался. Кровь уже не текла. Значит, ему, может быть, понемногу становится лучше?

Тогда... он ведь ещё сможет растить его всю жизнь, да?

— У-у-у... — Он может остаться?

Красавец не ответил. Даже не взглянул на него.

— И-и-у... — Значит, договорились. Тогда ты ещё меня выкормишь и похоронишь, ладно?

Красавец чуть приподнял голову. Бледное лицо его, словно вырезанное из инея и снега, было одновременно холодным и прекрасным.

— Гр-р-р...

Живот, долго спавший и ещё и после перехода через горы, громко запротестовал.

Цзян Тан сглотнул.

Раз уж он всё равно сюда пришёл и уже снова дома, неужели нельзя хотя бы перекусить перед уходом? Робко поглядывая на Фу Линцзюня, он мелкими шажками пополз в сторону своего гнезда. Там ещё лежал запас красных плодов. Он, конечно, уже устал от них, но в голодный момент всё равно первым делом вспоминал именно их.

Однако до плодов он так и не добрался. Мягкий поток воздуха вдруг подхватил его и швырнул вдаль.

— Я же сказал: не оставайся здесь. — Чёрный халат снова начал пропитываться кровью из лопнувших ран, она стекала по бледным пальцам.

Заложив одну руку за спину, Фу Линцзюнь духовной силой удерживал комочек, который раз за разом пытался к нему приблизиться, и быстрым шагом шёл к выходу из долины Тяньбэй.

Шёл он так быстро, что один шаг переносил его далеко вперёд. Пространство вокруг стремительно менялось, будто он сокращал землю под ногами.

Цзян Тан проделал путь сюда невероятно долго. А обратно его выбросили из долины почти за одно мгновение.

Перед тем как вылететь наружу, он услышал низкий голос Фу Линцзюня:

— Ты мне больше не нужен.

Цзян Тан оцепенел.

Тошнота от яда вдруг уступила место куда более сильному чувству. Будто в сердце треснула щель — и из неё полезли десятки рук, разрывая эту трещину, мнуя её, растягивая всё сильнее.

Сян Син, который ждал у входа, увидел, как пушистый комочек вылетел наружу, и поспешно подхватил его.

— Сяо Бай... почему... вышел? Хозяин... сейчас... хорошо?

Подул ветер — тёплый, солнечный, пахнущий цветами. Но Цзян Тану от этого легче не стало.

— И... — Ему плохо. Очень плохо.

Он не мог себя утешить и не знал, как вообще это сделать. Не понимал, что сделал не так, но одно понял точно: его разлюбили.

И тут его пронзила одна страшно реальная мысль. Он — благой зверь. Все культиваторы этого мира хотят его заполучить. Пусть он, кажется, и утратил кость судьбы, а вместе с ней и главную ценность, всё равно всяких полезных свойств у него осталось хоть отбавляй. Так что если Фу Линцзюнь его прогонит, то о новом кормильце можно пока даже не мечтать: его просто начнут преследовать все силы подряд.

Печаль окрасила душу маленького зверя в голубой. Голубой темнел, превращаясь из цвета спокойного озера в цвет неба перед дождём, с сероатой, отчаянной дымкой внутри.

— У-и-и... — Цзян Тану по-настоящему захотелось расплакаться. Свернувшись у Сян Сина на ладони, он превратился в грустный грибочек.

Сян Син заметался, пытаясь его утешить. Но из-за того, что языки у них не совпадали, он понял только одно: Сяо Баю очень-очень плохо. Почему — он не знал. И вполне логично решил, что дело в том, что хозяин умер, вот Сяо Бай и страдает так сильно. В итоге большой и маленький снова начали реветь друг на друга.

— У-у, у-у...

— И-и-и-и-и...

То один, то другой, без остановки.

Фу Линцзюня от этих двух рыдающих разделял лишь тонкий слой печати. Он видел свернувшегося в комочек маленького зверя, а зверёк его — нет.

Впервые он видел, чтобы тот был так несчастен. И впервые видел в его душе мрачный, тоскливый голубой цвет.

Душа осыпалась кусок за куском. Чёрный халат то высыхал, то снова намокал, лопнувшие раны без конца сочились кровью. Капля за каплей орошали эту бесплодную могилу.

Фу Линцзюнь больше не стал смотреть наружу. Он развернулся и пошёл прочь. После каждого шага на земле оставался чёткий кровавый след.

Проходя мимо дерева, от которого струился слабый свет, он вдруг заметил на иссохшей земле неожиданное пятнышко зелени.

Это был короткий, нежный росток. Он только что пробился из почвы, совсем хрупкий. На него падал слабый свет, помогая тянуться вверх.

Первый росток, появившийся за тысячи лет упадка в этой запечатанной земле. Росток, посаженный и каждый день навещаемый пушистым комочком.

— Надо же... пророс, — тихо сказал он.

Он уже протянул руку, но, прежде чем коснуться нежного стебелька, на него упала кровь.

Фу Линцзюнь отдернул руку и пошёл дальше, в мёртвую темноту.

* * *

Цзян Тан долго-долго дулся в одиночку.

Что значит «больше не нужен»? У этого человека вообще есть хоть какие-то базовые нормы содержания домашних питомцев?! Прежде чем заводить питомца, нужно всё тщательно продумать. Нельзя, нельзя ни в коем случае бросать его на полпути! Кто так делает — то погладит, то поиграет, а как наскучит, так сразу выкидывает подальше и даже домой не пускает? Самое возмутительное — он даже поесть не дал!

Это вообще не слишком ли?

— У-и-и... — Цзян Тан всё жаловался и жаловался Сян Сину и в конце концов внезапно кое-что понял.

Ну и что с того, что Фу Линцзюнь его не хочет видеть? Он же не сказал, что Сян Сину нельзя его растить! Да и вообще, он ведь может бесовестно остаться в Гуанлине, есть, пить и

прятаться под защитой. Неужели кто-то посмеет прийти на территорию Фу Линцзюня и охотиться на него, а тот не вмешается?

Так Цзян Тан наконец разложил всё у себя в голове по полочкам, успокоил себя до приемлемого состояния и снова почувствовал голод. Ему захотелось красных плодов.

Сян Син тоже понял, что Сяо Бай проголодался. Он временно убрал в сторону свои горестные мысли и вытер слёзы.

Хозяин велел ему не входить в долину Тяньбэй. Думал Сян Син долго, но в конце концов решил: он зайдёт совсем чуть-чуть, сорвёт Сяо Баю немного красных плодов, а как только тот поест, сразу выйдет обратно.

Так в запечатанную землю снова тайком пробрались два мелких вора.

Сян Син понёс Цзян Тана к дереву с красными плодами.

По тёмной земле один за другим тянулись ещё не высохшие кровавые следы.

Сердце у Цзян Тана подпрыгнуло.

Он вдруг вспомнил лицо Фу Линцзюня в тот момент, когда тот прогонял его: бледное, словно вот-вот рассыплется.

Белый юркий комочек тут же полез вниз по руке Сян Сина. Свалившись на землю и лишь встрыхнув головой, он как безумный помчался по следам крови.

— Сяо Бай! Сяо Бай! — Сян Син рванулся было следом на пару шагов, но, всё ещё боясь послушаться хозяина, не посмел бежать дальше и мог только беспомощно смотреть, как белый комочек исчезает в темноте.

Цзян Тан мчался изо всех сил.

Сердце едва не выскакивало из груди, ветер свистел в ушах. Следы крови ещё не высохли — значит, были совсем свежими. Один за другим они тянулись далеко вперёд.

Это была кровь Фу Линцзюня!

Крошечный зверёк размером с ладонь нёсся по бесплодной горной дороге, но следы всё не кончались. Он пробежал уже полгоры, а конца им не было видно.

И вдруг в куче камней сбоку что-то тихо зашуршало. Цзян Тан устал до предела и как раз остановился перевести дух. В тот же миг длинная чёрная тень скользнула в темноту.

В этом мире никогда не было никаких живых существ.

Цзян Тан резко обернулся. Вокруг — одна лишь кромешная тьма, и больше ничего.

Что это было?

Он ещё долго настороженно смотрел в ту сторону, откуда донёсся звук. Кругом было мертво тихо. Сердце колотилось как бешеное. Решив, что ему, наверное, просто послышалось, он с сомнением отвернулся — и в следующую секунду что-то обвилось вокруг его задней лапки и резко дёрнуло.

— И-и-у-у!

То, что схватило его, слабо светилось бледно-фиолетовым. Оно походило то ли на длинную змею, то ли на лозу — тонкое, вытянутое, и при этом словно живое: оно всё плотнее обматывалось вокруг него.

Да что это за чудовище такое?!

Перепуганного до смерти Цзян Тана утащило далеко-далеко. К счастью, кроме того, что существо связало его, вредить оно вроде бы не собиралось. Тащило его до тех пор, пока, пролетев большое расстояние, не остановилось посреди равнины светлячков.

Вокруг разлетевшиеся светлячки мерцали, словно рассыпанные по небу звёзды...

<http://bllate.org/book/17032/1600282>